Андрей А. Тесля

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Россия
ORCID: 0000-0003-2437-5002

Революционная версия русского национального исторического нарратива: «О развитии революционных идей в России» А.И. Герцена

doi: 10.22394/2074-0492-2021-2-59-79

Резюме:
Середина XIX века в русской интеллектуальной истории — время формирования ключевых концепций и образов, в том числе образов «русской нации», которые в дальнейшем, перерабатываясь и видоизменяясь, но сохраняя связь с исходными концепциями, в том числе и через более или менее регулярное непосредственное обращение к ним, продолжают действовать до сего дня. Проблематика русского национализма XIX века в ракурсе истории различных направлений отечественной социалистической мысли остается во многом на пери-

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта. Научные интересы: история русской общественной мысли; история национализма, история русской философии. E-mail: mestr81@gmail.com
Andrey A. Teslya — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History St Petersburg University; Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University. Research interests: history of Russian social thought; history of nationalism, history of Russian philosophy. E-mail: mestr81@gmail.com
Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.
Acknowledgments: This research was supported by the grant No 19-18-00073 “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th — 20th Centuries” of the Russian Science Foundation.

ферии внимания, прежде всего, в связи с тем, что вариант соединения русского национализма с социализмом оказался в XX веке маргинальным. Однако подобное ретроспективное рассмотрение само по себе недостаточно. Темы и сюжеты, варианты, в дальнейшем оказавшиеся в стороне от основных линий развития, заслуживают внимания в синхронии, что мотивируется исторически, а вместе с тем и ставят вопросы к последующей истории, исходя из отсутствия жесткой детерминированности развития и знания того, что вариант, например, той или иной народнической/популистской программы в аспекте национальных движений окажется разнообразно актуализирован в XX веке во множестве стран мира. В данной статье рассматривается конструирование варианта революционного русского национального нарратива в брошюре Александра Герцена 1852 г. «О развитии революционных идей в России». Выделяются основные элементы этого рубежного для формирования авторской концепции «русского социализма» нарратива, анализируется переосмысление Герценом, с одной стороны, концепции Погодина, а с другой — «государственной школы» русской истории. В заключение выделяются основные изменения герценовских построений 1850-1860-х годов и обозначаются новые, потенциальные или актуальные для мысли позднего Герцена противоречия в его концепции.

Ключевые слова: западничество, народничество, национализм, национальный исторический нарратив, русский социализм, славянофильство

Andrey A. Teslya

St. Petersburg University, Russia; Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Revolutionary Version of the Russian National Historical Narrative: Herzen's "on the Development of Revolutionary Ideas in Russia"

Abstract:
The middle of the 19th century in Russian intellectual history is the time of the formation of key concepts and images, including the images of the "Russian nation". These images, being processed and modified, but maintaining continuity with respect to the original concepts, continue to operate even now. The problems of Russian nationalism in the 19th century from the perspective of the history of various trends in Russian socialist thought remain largely on the periphery of attention. The reason for this state of affairs is the rarity of an explicit, declarative union of the socialist movement and nationalism in XX century Russia. However, a purely retrospective, due to the subsequent development of events, the approach is insufficient. Themes and options, which later found themselves aside from the main lines of development, deserve to be considered in synchronicity. This is motivated historically, if we proceed from the absence of a rigid determinism of the historical process. Another reason for attention to the topic is the relevance of the narodnichestvo/populist program in the

20th century in many countries of the world. This study focuses on the construction of a Russian national revolutionary narrative in Herzen's brochure "On the Development of Revolutionary Ideas in Russia" (1852). The author highlights the main elements of this milestone for the formation of his concept of "Russian socialism" narrative, analyzes Herzen's rethinking, on the one hand, of the historical concept of M.P. Pogodin, and on the other — the "state school of thought" of Russian history. In conclusion, the main changes in Herzen's ideas of the 1850-1860s are highlighted in the aspect of nationalism, and new, potential or actual for the thought of late Herzen, contradictions in his concept are indicated.

Keywords: national historical narrative, nationalism, populism, Russian socialism, Slavophilism, Westernism

Проблематика русской нации и русского национализма в отечественной социалистической мысли по объективным причинам периферийна. Прежде всего, это связано с тем, что для русских социалистов XIX — начала XX веков[1] национализм и национальный вопрос возникали, во-первых, в контексте вопроса о положении иных, других (народов, народностей, племен и наций) в империи. В этом контексте Российская империя, т.е. конкретная форма политического устройства, конкретный политический и социальный режим, воспринималась в качестве общего врага как самими русскими социалистами, так и большинством представителей других народов и народностей, не принадлежащих, не относящих себя к русской нации (независимо от того, как понимать последнюю: в рамках одного из вариантов «большой русской нации», «двух русских народностей» или как-то иначе [Миллер 2016: гл. 2]).

Во-вторых, национализм и национальный вопрос возникали в контексте противостояния государственной политике, с 1830-х годов встраивающей русскую национальную проблематику в свой идеологический арсенал [Зорин 2004; Миллер 2006]. Апелляция к национальному воспринималась в социалистическом лагере как стремление политического режима навязать солидарность там, где в действительности наличествует конфликт целей и интересов.

Для русских/российских социалистов центральным оказывался вопрос политического и социального освобождения, а не образования собственного политического целого, бывшим ключевым для большинства национальных движений Центральной и Восточной Европы, начиная с немецкого и заканчивая польским и спле-

1 Под русскими социалистами мы в данном случае подразумеваем сторонников социалистических идей, мысливших/действовавших в общеимперской рамке.

тенный с социальным в силу этно-конфессионально-сословного устройства, когда сословная граница оказывалась одновременно, если и не совпадающей, то близкой к конфессиональной/этнической [Грицак 2006].

Соответственно, если, например, для украинского национального движения тяготение к социалистическим идеям было естественным и выражалось в стремлении найти массовую поддержку в крестьянстве (равно как для местных социалистов было естественным усвоение национальной повестки[1]), то для русских социалистов связь их устремлений с национальным оказывалась намного более сложной.

Для русского социализма в разных изводах «русское национальное» оказывалось периферийным, поскольку речь шла о «русском национальном» объекте, включенном в состав имперского, не требующем непосредственного обозначения, а проблематизируемом, прежде всего, на уровне выделения «других», не включаемых в состав той общности, которая мыслилась как объект непосредственных усилий/воздействия.

В этом смысле национализм русских социалистов оказывался чаще всего непрозрачным для них самих, проявляясь в конфликтах, столкновениях с другими социалистическими группами, в отказе или нежелании учитывать национальную проблематику, что расценивалось их оппонентами как проявление русского национализма, в то время как для самих русских социалистов эта позиция зачастую представала как нейтральная.

Проблематика русского национализма в русском социализме остается слабо изученной: в большинстве случаев внимание привлекали сюжеты, связанные с началом XX века или интеллектуальной эволюцией разнообразных русских социалистических групп в 1920–1930-е годы. Не претендуя на объемное описание, мы предлагаем небольшой экскурс в проблематику русской нации/русского национализма у А.И. Герцена, одного из основоположников отечественного социализма. При этом мы ограничимся рас-

1 И в этом плане характерен двойной характер интеллектуальных траекторий: от национальных устремлений к социалистической проблематике или же, напротив, от социалистических устремлений к национальному в стремлении найти контакт с массами, укрепить общие идеи и устремления в конкретных интересах. Так, М.П. Драгоманов совершает дрейф от либерального национализма конца 1860-х — 1-й половины 1870-х годов к украинскому социализму 1880–1895-х годов, а для участников «хождения в народ» 1874 г. становится актуальной задачей освоение местной народной культуры, вопрос о печати революционных изданий на украинском языке и т.д. [Єкельчик 2010; Тесля 2016; 2018].

смотрением одной из важнейших частей всякого национального нарратива — трактовкой исторического развития [Малахов 2010: 122 и далее].

* * *

Первая половина 1850-х годов — время, в которое определились основные положения герценовского «русского социализма» [Малиа 2010]. Одна из основных черт мышления Герцена — его «возвратность». Как отметил еще Иванов-Разумник, комментируя в 1912 г. публикацию ранних произведений Герцена, в них можно найти если не все, то очень многие из идей, которые он будет разрабатывать до конца жизни [Иванов-Разумник 1920: 77-109]. Другой выдающийся исследователь философских идей Герцена, Г.В. Флоровский, очевидно, по сходной причине уделял преимущественное внимание изучению именно раннего периода творчества своего героя (при этом преследуя цели, далеко выходящие за биографические, стремясь проанализировать «тупики романтизма», в обнаружении которых он видел основную заслугу Герцена и его значение в истории не только русской, но и европейской мысли) [Флоровский 1995; 1997; 1998].

Так, уже в текстах 1830-х годов, начиная с ранней трагедии «Лициний», можно обнаружить повторяющийся вплоть до последних произведений автора образ позднего Рима как воплощения конца эпохи, современники которой могут предчувствовать и стремиться к новому (или искать утешения в рассеянии или созерцании), но они не способны перейти в новый мир. Рождение нового возможно через приход варваров, тех, кто уверует в идеи, выношенные на закате старого мира, для которых эти идеи дают импульс к действию. Или же «новое» может произойти хоть и от людей, сформировавшихся в рамках «старого мира», но действующих на новом месте. Таким персонажем окажется главный герой написанного Герценом в те же годы продолжения «Лициния». Это повествование об Уильяме Пенне, основателе Пенсильвании — история о людях, покидающих старый мир и старых людей, и на новой земле выстраивающих новую жизнь, когда идеи, осознанные, выношенные в рамках старого мира, перестают быть лишь идеями и становятся действительностью, новым порядком общежития.

В то же время появляется мотив переживания современной Герцену эпохи как переломной, осознание своего места как находящегося на разломе времен. Перед нами типично романтическое миропонимание, для которого собственное время неизменно ощущается как время разрыва и связи, как момент, когда история проходит сквозь героя (это вполне выразится в концепции «Былого и дум»

в том виде, в котором она осмысливается автором при завершении работы над первыми частями книги).

Еще ранее, с начала 1830-х, Герцен проникается протосоциалистическими идеями, знакомясь с идеями сенсимонистов, ставших предметом общеевропейского обсуждения из-за судебного процесса 1832 г. Разумеется, нет никакой нужды преувеличивать «социалистический» характер воззрений Герцена в 1830-1840-е годы: речь идет никак не о социализме в смысле позднейших времен; пока это размытый комплекс идей и представлений. В этом случае русская ситуация 1830-1840-х годов и западноевропейское социалистическое движение окажутся созвучными: и здесь, и там мы видим разочарование в политической борьбе, противостояние либералов и консерваторов и поиск третьего, неполитического пути решения вопросов современности. Для русской ситуации эти настроения будут подпитываться переживанием политического бессилия, которое одних поведет к увлечению философией, других — к открытию социальных идей, чтобы затем, уже в 1840-е, во многом сойтись на короткий момент в одной точке, когда Герцен назовет гегелевскую философию «алгеброй революции», чтобы затем радикально преломиться и разбиться по всему диапазону спектра в качественно новом контексте второй половины 1850-1860-х годов, с появлением в России «публичного пространства» в хабермасовском смысле, возможности более или менее открытой социально-политической полемики и противоборства и т.д.

В конце 1840-х — первой половине 1850-х отмеченные ранее воззрения сплавляются если не в концептуально цельную, то во всяком случае эстетически-целостную (в том числе и за счет этого увлекательную как для современников, так и для ближайших потомков) доктрину.

В данной статье мы сосредоточимся на анализе одного текста: брошюры «О развитии революционных идей в России», привлекая другие работы Герцена лишь вспомогательно. Это обусловлено тем обстоятельством, что «О развитии...» является наиболее полным, развернутым высказыванием Герцена о русском прошлом и его опытом концептуального оформления своей позиции в том виде, как она сложилась к началу 1850-х. В отличие от других публикаций тех лет, являющихся либо краткими высказываниями, либо тесно связанными с сиюминутным контекстом, статьи «О развитии...» не имеют жесткой контекстуальной привязки, что и позволило автору в дальнейшем без существенных перемен переиздать их во французском переводе в 1853 г., а затем повторить издание пять лет спустя.

В определенном смысле эта серия статей, первоначально вышедшая в немецком ежемесячнике, издававшемся Колачеком, неудач-

на. Внешне обращенная к европейской аудитории, претендующая на очерк русской истории и развития революционных идей в России в расчете на читателя, мало что знающего о русском прошлом и настоящем, она в целом ряде своих частей оказывается настолько глубоко погружена в сугубо конкретные обстоятельства недавних русских споров, что уместнее смотрелась бы, будь это возможно по цензурным обстоятельствам, на страницах «Современника» или «Отечественных записок». Герцен-публицист в этих статьях если и не терпит провал, то во всяком случае создает произведение неоднородное, не чувствуя аудитории (и, видимо, и сам это сознает, поскольку для французского издания не делает никакой принципиальной правки). В отличие от известных статей-писем, обращенных к Мадзини и Мишле, здесь он стремится выстроить баланс между общими утверждениями и передачей конкретных деталей, но детали работают скорее как пояснение на примере, вполне внятное для тех, кто уже обладает фактическим знанием и нуждается в его осмыслении. Герцену не очень интересно излагать общий ход идей и событий, он стремится перейти к тому роду повествования, в котором силен: лирической публицистике или к полемике. Отсюда, пожалуй, и его нелюбовь к обстоятельным повествованиям и доктринальным обсуждениям. Он не любит перечислять детали и выстраивать подробные изложения. Его точность другого рода, в выхваченной детали, в умении показать то, что его занимает, в общей фразе, с одной стороны, а с другой — в конкретном примере, который и подтвердит сказанное наглядно, и доскажет то, что не было схвачено в общем утверждении. Данная им несколько лет спустя характеристика исторических трудов Мишле и Карлейля во многом применима, mutatis mutandis, и к его собственному опыту.

> Разумеется, из книги Мишле нельзя научиться истории XVI столетия, так, как из книги Карлейля нельзя научиться истории революции; это не вступления, а заключения, завершения, эпилоги, последние слова. <...>
>
> Такого рода книги предполагают школьное знание фактов. Они являются после предварительного, так сказать, мнемонического труда привесть в порядок скученное, объяснить узнанное, дохнуть огнем сильной мысли, чтоб сплавить песчинки в прозрачный хрусталь [Герцен 1957: 288].

Если выше мы подчеркнули во многом связь идей Герцена раннего и позднего периодов, то вместе с тем следует отметить и принципиальные изменения, которые претерпевает его мысль.

Во-первых, меняется представление о непредопределенности истории — в ней есть закономерности, но нет предзаданного смысла

и цели. В формулировке этого положения Герцен колеблется: от заостренных, нарочито-парадоксальных тезисов «С того берега» до осторожных предположений «О развитии...», где он отождествляет случившееся, реализовавшееся с «наиболее вероятным», хотя история так или иначе оказывается для него пространством альтернатив (и это открывает возможность завершения истории не как обретения полноты, смысла, но как замирания, утверждение равновесия, повторения).

Во-вторых, возникает не столь однозначное, но достаточно устойчивое представление, что смысл и оправдание невозможно получить из будущего, дальнейшего. Никакие последующие свершения, никакой прогресс не могут выступать сами по себе смыслом действий здесь и сейчас: человек не может быть только средством. Неоднозначность же вытекает из формулировок, к которым прибегает Герцен, где-то подчеркивая самоценность человека, где-то выбирая намного более осторожные выражения, отмечая, что помимо посредствующей, служебной роли (для дальнейшего, для истории) человек должен обладать своим собственным смыслом; должен в том смысле, что нуждается в этом, что «оправдание от истории» недостаточно, неудовлетворительно[1].

В серии статей «О развитии...» Герцен предпринимает сборку революционной версии русского исторического нарратива в преемственности по отношению к существующим вариантам осмысления русской истории. Прежде всего, следует отметить, что в герценовской сборке сохраняется непреодоленный конфликт между разнородными элементами, подспудное напряжение, снимаемое риторическими переходами.

С одной стороны, это взгляды западнического кружка последней эпохи (1846 — 1847 гг.) — схема русской истории, позаимствованная у К.Д. Кавелина [Кавелин 1989; Киреева 2004]. С другой — влияние М.П. Погодина и расхожих представлений о русском прошлом, переосмысленных в духе свободомыслия, республиканского порыва. С третьей — его собственное понимание будущего; если не вера в него, то надежда на дальнейший ход истории.

---

1 В статье «Дуализм — это монархия» (1854) Герцен, например, пишет: «Разве это не называется вводить в заблуждение чужие умы и свой собственный, повторяя ежеминутно, что человек не должен думать о себе, что он должен жить *только* для других, что нет судьбы *более сладостной и более прекрасной, чем "умереть за родину?"* Умереть за свою идею — великое достойное дело, но это вовсе не счастье; это *трагический и очень печальный* жребий; а между тем мы так привыкли к этому декламаторскому жаргону, что почти так же трудно найти человека, погибающего за идею, как человека, смеющего сказать, что высшее счастье вовсе не в том, чтобы погибнуть по каким бы то ни было мотивам» [Герцен 1957: 232].

Напряжение, здесь возникающее, заключается, прежде всего, в сочетании разнородных исторических логик: 1) гегельянского видения, присущего Кавелину и связанной с его именем «государственной школы», прежде всего, ее представителя С.М. Соловьева, исходящего из понимания исторического процесса как развертывания внутренней логики, направленного к реализации изначально присущей ему цели (которая одновременно является его смыслом) [Рубинштейн 1941: 312-342]; 2) погодинского понимания истории как обусловленности прошлым, в отказе от универсальной философии истории, тесной связи с французской романтической историографией эпохи реставрации [Плеханов 1926: 45-101; Реизов 1956]; 3) понимания исторического процесса через концепцию альтернативы и взаимодействие разных субъектов истории; его очерк Герцен дает в серии писем и статей, составивших изданную в 1850 г. книгу «С того берега».

От Погодина и его трактовки, воспринятой в свою очередь славянофилами, прежде всего, К.С. Аксаковым, пришло фундаментальное различение историй Западной Европы и России. В основе первой лежит завоевание, разделение на победителей и побежденных, образование аристократии и вся последующая борьба сословий/классов[1]. В русской истории указанное разделение остается неведомым, первоначальные иноземные правители и пришедшие с ними дружинники несколько поколений спустя сливаются с местными жителями. Вслед за Погодиным и вместе со славянофилами Герцен утверждает отсутствие в русской истории аристократии.

> Вообще в древней России мы не встречаем какого-либо отдельного, привилегированного, обособленного класса. Там был только *народ* <...>.
>
> Звание *боярин* было почетным званием; никаких прав оно не давало и даже не было наследственным. Другие звания только указывали на должности; таким образом эта иерархическая лестница непри-

1 При этом Герцен оставляет в стороне базовое для Погодина различение историй Запада и Востока Европы, которое опирается на переосмысление концепции Ф. Гизо и О. Тьерри, поскольку в их понимании специфическим содержанием (западно-)европейской истории является борьба классов, возникающая после падения Римской империи и образования в ее западной части варварских государств. Восток Европы не знал Римской империи, не знал и завоевания варварами, что и обуславливает, согласно Погодину, различие исторических процессов. Напротив, Герцен риторически соединяет разграничиваемое и Кавелиным, и Погодиным античное и германское, дабы подчеркнуть «молодость» славян, отмечая в частности: «Германолатинские народы создали две истории, сотворили два мира во времени и пространстве. Они дважды себя изжили» [Герцен 1956: 144].

> метно приводила к огромному классу крестьян. Вот почему все эти высшие слои общества пополнялись из народа; потомки варяжских воинов, пришедшие с Рюриком, по-видимому, принесли с собою идею об установлении института аристократии, но славянский дух изменил ее до неузнаваемости согласно своим патриархальным и демократическим понятиям [Герцен 1956: 154, 155].

Если от Погодина воспринят тезис об исходном и сохраняющемся демократическом характере России и русского народа, то от Кавелина берется динамический принцип борьбы общества и личности, и объяснение русской истории как пути формирования личности.

Но кавелинская схема — это история множественности «путей к современности». Кавелин выстраивает дихотомию, первая часть которой прямо взятая у Гегеля интерпретация рождения модерности, где германцы привносят в историю принцип личности, и затем это личное начало умеряется, вводится в границы свободы государством. Русская история, как заявляет в самом начале своего ключевого исторического труда Кавелин [1989: 12], противостоит европейской: «В истории [России и Европы] ни одной черты сходной и много противоположных».

Она начинается с родового начала и восходит к личности (через переход от родового быта к семейственному и затем государственному). В итоге то, что начинается различно, заканчивается в единстве: «Итак, вся разница только в предыдущих исторических данных, но цель, задача, стремления, дальнейший путь один» [Там же: 66].

Кавелинская схема завершается наступившей модерностью — единством нового времени, в котором каждая из сторон, шедшая своим путем, обретает одну и ту же современную форму: к современности ведут разные дороги, но она едина. И дальше уже лежит для Европы и для России общий путь.

Для Герцена, напротив, никакого разрешения проблемы личности и общества не найдено: именно противоречие между ними и составляет центр современности. Более того, Россия и Европа не только были носителями различных и во многом противоположных начал, но таковыми и остаются, а обретение единства не только не дано, но и не предзадано, представляя собой лишь возможность.

Отчасти, впрочем, Герцен взял кавелинскую схему на вооружение, но радикально ее переосмыслил. Это по-прежнему история о том, что два пути сходятся в точке, где находится наблюдатель. Но теперь это не история про автономное движение, ведь у Кавелина и Европа, и Россия шли своим собственным историческим путем, подчиненным собственной логике, и не взаимодействовали друг с другом. Для Кавелина обе части истории одинаково «древние». Напротив, для Герцена речь идет о молодости России и старости

Европы. Европа приходит к социализму, упираясь в тупик того, что он намного позднее, в 1867 г., назовет «радикальной революцией» (ее первый очерк Герцен изложит в первом письме «Старый мир и Россия» в 1854-м [Герцен 1923: 76, 77; Герцен 1957: 167-169]). Тупик в смысле противоречия между сознанием необходимости этой революции, вытекающей и половинчатости всех ранее совершенных революций, и одновременной неспособности ее осуществить: интеллектуальное осознание потребности радикальной перемены, вытекающее из реально переживаемого недовольства, сопровождается отсутствием конкретно-исторического субъекта, который способен стать субъектом этой революции. Схожая ситуация наблюдается в России, но она иная по происхождению, ее причины в исторической молодости и революционных преобразованиях Петра. В русском случае она обладает потенциальной благотворностью.

С одной стороны, образованное русское общество (дворянство) усваивает современные европейские идеи и, приходя к социализму, переживает выводы, к которым пришла Европа, как свои собственные. С другой же стороны, и в этом различие с Европой, русский народ (именно в силу «молодости» или же потому, что замедление/сохранение и есть молодость) воплощает начала, на которых может выстроиться радикально новый социальный порядок. Он сохранил общину и артель, живет принципом равного права на землю, свободен от бремени частной собственности.

Для Герцена это не та последующая (уже народническая) идея, предполагающая, что если историю не преломить сейчас, если она не пойдет по социалистическому пути, то тогда русский народ вольется в общеевропейский мир (при всей катастрофичности этого варианта). Его видение народов как наделенных собственными характерами и своей индивидуальностью означает, что «не-свершение», неспособность реализовать единство социалистической мысли с потенциально-социалистическим устройством русской народной жизни отнюдь не тождественно переходу к повторению западноевропейского пути. Это будет вариант смерти, возможной в самых разных вариантах[1]. Ведь то, что придает напряженность русской ситуации, — это напряжение между личностью и обществом; община не выступает как «воплощенный идеал», напротив, она поглощает личность, является угрозой для нее. В этом смысле община может либо стать основанием для нового порядка вещей, либо она же может выступить, подобно азиатским общинам, гроб-

1 См. известное эссе Герцена по поводу работы Дж.Ст. Милля «On Liberty» (1859), позднее включенное в «Былое и думы», в особенности пассаж о Голландии, «стране, которой Европа начинает седеть»: [Герцен, 1982а: 48–58]

ницей для личности (чему, впрочем, препятствует, по Герцену, народный характер, то своеобразие славян, которое мешает однозначно отнести их к Европе или Азии).

> Долгое рабство — факт не случайный, оно, конечно, отвечает какой-то особенности национального характера. Эта особенность может быть поглощена, побеждена другими, но может победить и она. Если Россия способна примириться с существующим порядком вещей, то нет у нее впереди будущего, на которое мы возлагаем надежды. Если она и дальше будет следовать петербургскому курсу или вернется к московской традиции, то у нее не окажется иного пути, как ринуться на Европу, подобно орде, полуварварской, полуразвращенной, опустошить цивилизованные страны и погибнуть среди всеобщего разрушения [Герцен 1956: 243].

Или же Россия в итоге будет разрушена, и тогда исчезнет основание для новой истории.

Образованное общество в России действительно представлено русскими европейцами, воплощением европейского сознания вовне, но при этом в отличие от собственно европейцев оно счастливо тем, что имеет перед собой в лице народа того, кто способен стать революционным субъектом, воплотить новые начала. Придя к социализму, сделав теоретические выводы или усвоив его как последний плод европейской мысли, образованное общество одновременно оказывается способно к действию и имеет контрагента[1].

И в этом новом состоянии с обществом, достигшим самосознания, внутренней независимости от власти, империя утрачивает смысл своего существования. Поскольку она выступала агентом цивилизации, между ней и образованным обществом не только не было зазора, но образованное общество и создавалось властью, было во многом ею и было ее служителем. Но теперь власть перестает быть носителем цивилизации, и соответственно между нею и образованным обществом возникает конфликт. В результате власть лишается основания: она чужда народа, господствует над ним как внешнее начало, но перестала быть внешним началом в смысле цивилизации. Теперь она обратилась в чистое, бессмысленное господство [Там же: 256].

1 Этот ход обозначен лишь пунктирно, делая возможным продолжение и в истории казаков, и крестьянских восстаний, и размышления о способности общин к самоорганизации между собой, и о раскольниках и расколе как демократическом потенциале русской истории и настоящего. Сюжеты П.Л. Лаврова, народничества 1870-80-х годов, «хождение в народ» в изводах как 1874 г., так и «культурного народничества», здесь намечаются как возможные.

Тем самым европейский и русский сюжеты соединяются, поскольку и власть держит европейский порядок реакции, и сам этот порядок становится воплощением русского самодержавия, утверждением голого фактического порядка.

Как уже отмечалось, «О развитии...» — текст противоречивый на уровне адресата: формально он обращен сугубо к иностранной аудитории, внутренне он — продолжение и развитие русских споров, следующий ход, точнее, попытка его совершить (во многом не реализованная как политическое действие). В последней главе, там, где Герцен обращается к полемике «Современника» и «Москвитянина» 1847 г., он формально провозглашает победу Кавелина, обличает Самарина всеми привычными полемическими приемами «западничества» [Там же: 244-248].

И тем не менее примечательно, что «О развитии...» — самый «славянофильский» текст, превосходящий и «славянофильские» главы «Былого и дум»[1], и тексты второй половины 1850-х, как и конца 1860-х, последней попытки сближения со славянофильством. Само славянофильство здесь трактуется как отражение и порождение социализма [Там же: 248].

Современники задавались вопросом, что лежит в основе спора западников и славянофилов. Согласно, например, известной интерпретации П. Анненкова 1870-х годов, это спор в рамках русского либерализма, где в итоге «западничество» обретет «народ», а славянофильство, внесшее его как предмет осмысления в общественную дискуссию, окажется неспособным сделать следующий шаг, замкнется в своем уже сложившемся порядке идей и тем самым сохранится на последующие десятилетия, тогда как «западничество» исчезнет на рубеже 1840-1850-х, перерастя себя и породив уже новые направления общественной мысли [Тесля 2020]. Для Герцена западничество и славянофильство в равной степени конфигурируются вокруг социализма, и их противостояние снимается сейчас. Славянофилы пытаются найти опору во власти, переосмыслив ее, найдя с ней своеобразный компромисс, сделав ее «земской» (утопия царской власти). В этом контексте Герцен упоминает Гоголя с его «Избранными местами...» как пример грозящей опасности; пример тем более важный, что среди славянофилов реакция на этот текст была почти исключительна негативная. Иван Аксаков, единственный из своего семейства, кто оценил текст иначе, был в итоге вынужден пересмотреть свою позицию в том числе под дружным

1 С известным уподоблением «западников» и «славянофилов» Янусу: «мы <...> смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно*» [Герцен, 1982: 137].

семейным натиском [Монахова, Золотусский 2010]: «От православного смиренномудрия, от самоотречения, растворяющего личность человека в личности князя, до обожания самодержца — только шаг» [Герцен 1956: 248].

Но это обращение к славянофилам в высшей степени двойственно: оно одновременно и завуалированная критика западничества с его культом Петра Великого и великих личностей, исключительности в целом. Ярче всего это отражается в трактовках Ивана Грозного.

> Но что можно сделать для России, будучи на стороне императора? Времена Петра, великого царя, прошли; Петра, великого человека, уже нет в Зимнем дворце, *он в нас.*
> Пора это понять и, бросив наконец эту ставшую отныне ребяческою борьбу, соединиться во имя России, а также во имя независимости.

> Любой день может опрокинуть ветхое социальное здание Европы и увлечь Россию в бурный поток огромной социальной революции. Время ли длить семейную ссору и дожидаться, чтобы события опередили нас, потому что мы не приготовили ни советов, ни слов, которых, быть может, от нас ожидают?

> Да разве гнет у нас открытого поля для примирения?

> А социализм, который так решительно, так глубоко разделяет Европу на два враждебных лагеря, — разве не признан он славянофилами так же, как нами? Это мост, на котором мы можем подать друг другу руку [Там же: 248].

Само же западничество толкуется Герценом как лишенное доктринального содержания.

> Белинский и его друзья не противопоставили славянофилам ни доктрины, ни исключительной системы, а лишь живую симпатию ко всему, что волновало современного человека, безграничную любовь к свободе мысли и такую же сильную ненависть ко всему, что ей препятствует: к власти, насилию или вере [Там же: 239].

В итоге Герцен оборачивает упрек славянофилов в адрес западников на них же самих: «славянофилы хотели позаимствовать у прошлого путы, подобные тем, которые сдерживают движение европейца» [Там же: 241]. Но этот спор в любом случае обозначается как принадлежность прошлого, начавшийся в 1840 г. как общее для всех сторон обращение к национальному и закончившийся 1848-м новыми вопросами, общим движением в будущее [Там же: 230].

Напряженность проблематики национального в ракурсе территориального политического сообщества снимается Герценом по-

средством, с одной стороны, выдвижения понятия «славянства», «славянского мира», противопоставляемого Европе [Там же: 144], с другой — через политическую форму федерации, которая не конкретизируется, но работает в качестве альтернативы централизованным политическим порядкам[1].

Позднейшая динамика позиции Герцена не только довольно сложна, что вполне объясняется позицией политического публициста, чьи отзывы и суждения по конкретным вопросам, различия в акцентах и формулировках определяются, прежде всего, контекстом. В интересующем нас аспекте наиболее важно то, что эта сложность в итоге не приводит к формированию Герценом какой-либо новой позиции по национальной проблематике, которая может быть представлена как последовательная доктрина[2]. И тем не менее некоторые линии изменения можно наметить.

Во-первых, во второй половине 1850-х отходит на второй план, а в 1860-е фактически исчезает славянство как потенциальный политический субъект[3] (лишь в обстановке критского восстания 1867

---

1 Этот ход рассуждений получит полное раскрытие в поздних текстах Бакунина, конца 1860-х — начала 1870-х годов, когда он осмыслит «федерацию», принцип «федерирования» не как одну из форм государства, а как принципиальную противоположность «государству», противостоящую «архэ» [Пирумова, 1990; Тесля, 2015].

Напомним, о связи этих воззрений с доктриной Прудона, но вместе с тем и о том, что ко многим позднейшим тезисам Бакунина Герцен приближается в начале 1850-х, формулируя прото-бакунинское, выраженное в «федерализме, социализме и антитеологизме» (1867) понимание связи религии, удвоения мира и иерархического начала в статье «Дуализм — это монархия» (1854), переработанной из 11-го «Письма из Франции и Италии» и главы «С того берега» [XII: 530].

О понятиях «федерации», «федерирования» и «федерализма» в XIX в. см. [Ященко 2012].

2 Не-доктринальность позиции Герцена многократно становилась предметом обсуждения, осмысляясь в диапазоне от «противоречивой» до «импровизации» как принципа/модели мышления [Хестанов 2001: гл. 1].

3 Это связано, на наш взгляд, еще и с тем обстоятельством, что «славянство» утрачивает актуальность для Герцена (как и для Бакунина), поскольку возникает возможность апеллировать как во внутреннем, так и в общеевропейском контексте непосредственно к России. В 1840 — начале 1850-х годов революционный/радикальный потенциал России представлялся слабо актуализированным; для полновесного включения в радикальную европейскую традицию требовалась отсылка к общности, чье историческое существование и влияние не могло быть подвергнуто сомнению. В этом плане «славянство» оказывалось востребованным со стороны русских радикалов, позволяя выстраивать обширную и разностороннюю генеалогию, начиная с чешских таборитов и вплоть до польских революционеров 1790-х и мятежников 1830-40-х годов. Аналогичную роль «славянство» играет в идеологии

г. Герцен несколько актуализирует славянскую тему, отзываясь в частной переписке об этой публицистической линии как о сугубо ситуативной и в целом обусловленной его стремлением к некоторому сближению со славянофильством [Тесля 2021]).

Во-вторых, ослабевает, а с кризиса, вызванного Январским восстанием в Царстве Польском и Западных губерниях в 1863 году, исчезает надежда на широкое общественное единство, то, что в текстах 1850-х предстает как упование на образованное дворянство и средние слои, соединенных общей целью. С этого момента Герцен вступает в конфронтацию уже не с властью, а с другими политическими позициями, которые обладают весомой поддержкой в обществе и, более того, признаются преобладающими[1].

В-третьих, во второй половине 1860-х Герцен становится все более критичным к современным русским радикалам как в лице молодой эмиграции, так и к переживающему политическую эволюцию Бакунину и сближающемуся с ним Огареву [Козьмин 1941]. Но помимо критики современных радикалов Герцен в последних текстах говорит о необходимости признать современные государства и государственные порядки и соответственно межгосударственные взаимодействия реальностью по крайней мере на ближайшую

Кирилло-Мефодиевского общества, позволяя связать всемирно-исторический план с судьбой Украины, представить последнюю субъектом мировой истории [Тесля 2018].

Одновременно Герцен в обращении к иностранной аудитории в первой половине 1850-х пытается выстроить образ России как потенциального революционного субъекта. Цикл статей «О развитии революционных идей в России» стремится представить европейским читателям собственную русскую радикальную традицию, фактически являясь первым опытом историографии русского радикализма, конструируя его генеалогию. Общественное оживление второй половины 1850–1860-х годов и начавшиеся реформы придают этим усилиям убедительность, и в той мере, в какой Россия все менее предстает как покорная «империя царей», обретает субъектность, исчезает и потребность в расширяющей рамке «славянства» для утверждения наличия освободительного потенциала.

1 В этом плане показателен спор с Утиным в 1863–1864-е годы, когда последний, выступая от лица «Земли и Воли», пытается представить ситуацию 1863 г. как поворот сугубо поверхностный, правительственный, осмысляя внутрироссийские публицистические выступления этого времени как инициированные властями и не имеющие широкой общественной поддержки. Напротив, Герцен, делающий из этого вывод о невозможности продолжения прежней политической линии, утверждает, что националистический поворот 1863 г. является поворотом в общественных настроениях, не сводимым ни к пропаганде, ни к официальной и официозной журналистике и делающий из этого вывод о невозможности продолжать прежнюю политическую линию [Козьмин, 1955].

мыслимую перспективу. В 3-м письме «К старому товарищу» [1869, опубл. посмертно] Герцен пишет следующее.

> Из того, что государство — форма *преходящая,* не следует, что это форма уже *прешедшая…* С какого народа, в самом деле, может быть снята государственная опека <…>.
>
> Да и будто какой-нибудь народ может безнаказанно начать такой опыт, окруженный другими народами, страстно держащимися за государство, как Франция и Пруссия и пр. [Герцен 1869: 591, 584].

В-четвертых, происходит размежевание с польской эмиграцией, что фактически привело к разрыву. К 1867 г. союз, возникший в конце 1840-х, прекратил свое существование. В «Prolegomena», развернутом изложении Герценом своих убеждений, открывавшем французский «Kolokol», предметом критики оказывался и лозунг восстания 1830-1831 гг., на который публицист ранее охотно ссылался и который многократно вспоминал: «за нашу и вашу свободу». Теперь он спрашивал: «Но какова та свобода, к которой стремимся мы? Та же самая ли?.. Поляки очень часто смешивают свободу с политической независимостью; последнюю мы имеем, о ней наша последняя забота — потерять ее мы не можем» [Герцен 1923: 71].

По крайней мере два последних момента — признание, с одной стороны, государственной формы как «преходящей», но отнюдь не «прешедшей», необходимость государства хотя бы в силу внешнеполитического контекста (и тем самым включение в план рассуждений межгосударственных отношений, проблемы территориального разграничения), а с другой — проблематичность взаимодействия польского и русского революционных движений, их разноустремленность могли бы привести Герцена к актуализации вопроса о критериях национальной идентичности, о границах русского и т.д. Однако эти потенциальные ходы размышлений так и оказываются нереализованными: национальное остается для Герцена на всем протяжении 1860-х прозрачным, само собой разумеющимся и естественным. Устремленность к радикально иной перспективе, противопоставление наличного порядка — обреченного, несостоятельного в своих основах, способного к сколь угодно долгому существованию, но уже без внутреннего оправдания «радикальной революции» [Там же: 76], снимающей саму проблему национального государства, которая парадоксальным образом остается по существу за пределами рефлексии Герцена. Все это ведет к тому, что национальное становится для Герцена предметом описания (и тем самым конструирования), перечисления разнообразных национальных качеств и свойств, субстратом истории.

Позволим себе предположить, что для Герцена в какой-то мере определяющим оставался опыт наблюдателя из центра, из Москвы 1820-1840-х годов, где «другие» представали контрастными, отчетливо отличимыми от «своих», и где «русскость» выступала «само собой разумеющейся», противопоставленной немцам [Вдовин 2012], полякам и т.д. Этот опыт лишь укреплялся условиями эмиграции с отчетливыми «другими» и широко понимаемой «русскостью» (в смысле «большой русской нации») вне столкновений со сложными/неопределенными идентичностями пограничья, на что накладывалось мышление в национальных категориях, трактуемых как естественные.

Библиография / References

Вдовин А.В. (2012) «Немецкость» как интерпретационная метафора у А.И. Герцена. *«Идеологическая география» Российской империи: пространство, границы, обитатели*, Тарту: Изд-во Тартуского ун-та: 351–363.

— Vdovin A.V. (2012) “Germanness” as an interpretive metaphor by A.I. Herzen. *“Ideological Geography” of the Russian Empire: Space, Borders, Inhabitants*, Tartu: Publishing house of Tartu University: 351–363. — in Russ.

Герцен А.И. (1982) *Былое и думы:* части 45, М.: Художественная литература.

— Herzen A. (1982) *My Past and Thoughts.* P. IV — V, M.: Hudozhestvennaja literature. — in Russ.

Герцен А.И. (1982а) *Былое и думы:* части 6–8, М.: Художественная литература.

— Herzen A. (1982a) *My Past and Thoughts*. P. 6–8, M.: Hudozhestvennaja literature. — in Russ.

Герцен А.И. (1957) Собрание сочинений. В 30 т. *Т. XII: Произведения 1852–1857-х годов*, М.: Изд-во АН СССР.

— Herzen A. (1957) *Collected Works*. In 30 vol. Vol. XII, — M.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. — in Russ.

Герцен А.И. (1956) Собрание сочинений. В 30 т. Т. VII: *О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852-х годов*, М.: Изд-во АН СССР.

— Herzen A. (1956) *Collected Works*. In 30 vol. Vol. VII,M.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. — in Russ.

Герцен А.И. (1923) Полное собрание сочинений и писем. В 22 т. Т. XX. *1867–1868 гг.*, М., Петроград: Государственное издательство.

— Herzen A. (1923) Complete Works. In 22 vol. Vol. XX. *1867–1868,* Petrograd: State Press. — in Russ.

Зорин А.Л. (2004) *Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века*, М.: Новое литературное обозрение.

— Zorin A. (2004) *Feeding the two-headed eagle ... Russian literature and state ideology in the last third of the 18th — first third of the 19th century*, M .: New literary review. — in Russ.

Иванов-Разумник (1920) *А.И. Герцен. 1870—1920*, Пг.: Колос.

— Ivanov-Razumnik (1920) *A.I. Gercen. 1870—1920.* — Petrograd: Kolos. -— in Russ.

Кавелин К.Д. (1989) *Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры*, М.: Правда.

— Kavelin K.D. (1989) *Our mental structure. Articles on the philosophy of Russian history and culture*, M.: Pravda. — in Russ.

Киреева Р.А. (2004) *Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина*, М.: ОГИ.

— Kireeva R.A. (2004) *State School of Thought: Historical Concept by K.D. Kavelin and B.N. Chicherin*, M.: OGI. — in Russ.

Козьмин Б.П. (1955) Е.И. Утин — Герцену. *Литературное наследство. Т. 62: Герцен и Огарев. II.*, М.: Изд-во АН СССР: 607–690.

— Kozmin B.P. (1955) E.I. Utin to Herzen. *Literary heritage. Vol. 62: Herzen and Ogarev. II*, M.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR:607–690. — in Russ.

Козьмин Б.П. (1941) Герцен, Огарев и «молодая эмиграция». *Литературное наследство. Т. 41–42: А.И. Герцен. II*, М.: Изд-во АН СССР: 1–48.

— Kozmin B.P. (1941) Herzen, Ogarev and the "young emigration". *Literary heritage. Vol. 41–42: A.I. Herzen. II*, M.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR: 1–48. — in Russ.

Малахов В.С. (2010) *Национализм как политическая идеология*, М.: КДУ.

— Malakhov V.S. (2010) *Nationalism as a Political Ideology*, M .: KDU. — in Russ.

Малиа М. (2010) *Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855*, М.: Территория будущего.

— Malia M. (2010) *Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. 1812–1855*, M.: Territoria budushego. — in Russ.

Миллер А.И. (2016) *Нация, или Могущество мифа*, СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— Miller A.I. (2016) *Nation, or the Power of Myth*, St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. — in Russ.

Миллер А.И. (2006) *Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования*, М.: Новое литературное обозрение.

— Miller A.I. (2006) *The Romanov Empire and Nationalism: Essays on the Methodology of Historical Research*, M .: New literary review. — in Russ.

Монахова И.Р., Золотусский И.П. (2010) *Последняя книга Гоголя: Сборник статей и материалов*, М.: Русский путь.

— Monakhova I.R., Zolotussky I.P. (2010) *The last book of Gogol: Collection of articles and materials.* , M.: Russkiy put'. — in Russ.

Пирумова Н.М. (1990) *Социальная доктрина М.А. Бакунина*, М.: Наука.

— Pirumova N.M. (1990) *Social Doctrine of M.A. Bakunin*, M.: Nauka. — in Russ.

Плеханов Г.В. (1926) Сочинения. В 24 т. Т. XXIII. *История русской общественной мысли в XIX веке (Материалы). Кн. 1: Западники и славянофилы*, М.; Л.: Госиздат.

— Plehanov G.V. (1926) Collected Works. In 24 vol. Vol. XXIII, M.; L.: State Press. — in Russ.

Реизов Б.Г. (1956) *Французская романтическая историография*, Л.: Изд-во Ленинградского ун-та.

— Reizov B.G. (1956) *French Romantic Historiography*, L.: Publishing house of Leningrad University. — in Russ.

Рубинштейн Н.Л. (1941) *Русская историография*, М.: ОГИЗ, Госполитиздат.

— Rubinstein N.L. (1941) *Russian Historiography*, M.: OGIZ, Gospolitizdat. — in Russ.

Тесля А.А. (2021) 1867 год: Герцен как «непоследовательный славянофил». *Вопросы национализма*, 33: 162–175.

— Teslya A.A. (2021) 1867: Herzen as an "Inconsistent Slavophile". *Questions of nationalism*, 33: 162–175. — in Russ.

Тесля А.А. (2020) «Замечательное десятилетие. 1838–1848»: заметки о концептуальных аспектах мемуарного текста П. В. Анненкова. *История. Научное обозрение OSTKRAFT, 5–6 (17–18)),* М.: Модест Колеров: 13-27.

— Teslya A.A. (2020) "A wonderful decade. 1838–1848": notes on the conceptual aspects of the memoir text of P.V. Annenkov. *History. Scientific Review OSTKRAFT, 5–6 (17–18),* M.: Modest Kolerov: 13–27. — in Russ.

Тесля А.А. (2018) *Русские беседы: Соперник «большой русской нации»*, М.: РИПОЛ Классик.

— Teslya A.A. (2018) *Russian Conversations: The Rival of the "Great Russian Nation",* M.: RIPOL Classic. — in Russ.

Тесля А.А. (2018а) Реабилитация «национализма». Вопросы национализма, 31: 155–170.

— Teslya A.A. (2018a) Rehabilitation of "nationalism". *Questions of nationalism*, 31: 155–170. — in Russ.

Тесля А.А. (2016) Национально-политические взгляды М.П. Драгоманова 1888–1895 гг. *Социологическое обозрение*, 15 (1): 94–111.

— Teslya A.A. (2016) The National-Political Views of M. P. Dragomanov in 1888–1895. *Russian Sociological Review,* 15 (1): 94–111. — in Russ.

Тесля А.А. (2015) О понятии «федерализм» в социально-политических теориях М. А. Бакунина. *Социологическое обозрение*, 14 (3): 136–152.

— Teslya A.A. (2015) On the Concept of "Federalism" in Socio-Political Theories of Mikhail Bakunin. *Russian Sociological Review,* 14 (3): 136–152. — in Russ.

Флоровский Г.В. (1998) *Из прошлого русской мысли,* М.: Аграф.

— Florovsky G.V. (1998) *From the past of Russian thought,* M.: Agraf. — in Russ.

Флоровский Г.В. (1997) Историческая философия Герцена. Заключение. *Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год*, СПб.: Алетейя: 249–257.

— Florovsky G.V. (1997) Historical philosophy of Herzen. Conclusion. *Research on the history of Russian thought. Yearbook 1997,* SP .: Aleteya: 249–257. — in Russ.

Флоровский Г.В. (1995) Герцен в сороковые годы. *Вопросы философии*, (4).

— Florovsky G.V. (1995) Herzen in the 1840s. *Problems of Philosophy*, (4). — in Russ.

Хестанов Р.З. (2001) *Александр Герцен. Импровизация против доктрины*, М.: Дом интеллектуальной книги.

— Khestanov R.Z. (2001) *Alexander Herzen. Improvisation versus doctrine*, M.: Dom intellektual'noy knigi. — in Russ.

Чернышевский Н.Г. (1987) *Сочинения. В 2 т. Т. 2,* М.: Мысль.

— Chernyshevsky N.G. (1987) *Works. In 2 vols. Vol. 2,* M.: Mysl'. — in Russ.

Ященко А.С. (2012 [1912]) *Теория федерализм: Опыт синтетической теории права и государства. В 2 т.* , М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

— Yashchenko A.S. (2012 [1912]) *The Theory of Federalism: An Experience of the Synthetic Theory of Law and State*. In 2 vols, M.: Knizhnyy dom "LIBROKOM". — in Russ.

Грицак Я.Й. (2006) *Пророк у своїй вітчизні. Франко та його спільнота (1856–1886),* Киев: Критика.

— Gritsak Ya.Y. (2006) *A prophet in his homeland. Franco and his community (1856-1886),* Kiev: Krytyka. — in Ukrainian.

Єкельчик С. (2010) *Українофіли. Світ українських патріотів другої половини XIX століття*, Киев: КІС.

— Yekelchyk S. (2010) *Ukrainophiles. The world of Ukrainian patriots of the second half of the XIX century,* — Kiev: KIS. — in Ukrainian.

Рекомендация для цитирования:

Тесля А.А. (2021) Революционная версия русского национального исторического нарратива: «О развитии революционных идей в России» А.И. Герцена. *Социология власти*, 33 (2): 59-79.

For citations:

Teslya A.A. (2021) Revolutionary Version of the Russian National Historical Narrative: Herzen's "on the Development of Revolutionary Ideas in Russia". *Sociology of Power*, 33 (2): 59-79.

Поступила в редакцию: 26.03.2021; принята в печать: 29.05.2021

Received: 26.03.2021; Accepted for publication: 29.05.2021